

«Я» в дискурсе виртуальности

Ирина Шевченко*

ТАТАРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ ИНСТИТУТ, КАЗАНЬ

Павел Высеков

НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Вторжение виртуальности практически во все сферы современной культуры очевидно является характерным признаком времени. В трактовке виртуальности воспользуемся следующим определением: это «нечто невозможное, или поле несуществующих в реальности объектов, которое тем не менее может быть конституировано, скажем, на экране компьютера, и в таком случае оно становится реально воспринимаемым» (Делез, 1998. С. 97). Далеко не последнюю роль в успехе экспансии виртуальных реальностей сыграли феноменальные темпы развития компьютерных технологий, в частности, Интернета.

Появившись в 60-е годы как одна из вспомогательных систем связи и хранения информации в оборонном комплексе, международная «сеть» или «паутина» (англ. – net) распространяет свое влияние в геометрической прогрессии, опутывая все пределы человеческого существования. Стихийность и неуправляемость мировой сети, а также глобальный объем информационной базы и скорость доступа к ней создали предпосылки к образованию в массовом сознании особого рода мифов. Сегодня Интернет – символ наступающей информационной эпохи (в противовес уходящей индустриальной), некий фетиш, причастность к которому повышает статус «посвященных», переводит их в более привилегированное положение по сравнению с «профанами». Стоит при этом отметить, что мифообразование в связи с Интернетом движется по замкнутому кругу, поскольку миф об особой значимости сети в жизни современного общества активно эксплуатируется заинтересованными лицами и структурами (провайдерами, производителями баннерной рекламы и т.д.), что, естественно, вызывает его регулярную регенерацию.

---

* E-mail: irina.shevchenko@ksu.ru

Своеобразная информационная агрессия, по меткому выражению У. Эко, устремляет потоки информации к нулю. Иными словами, пользователь нередко оказывается фрустрирован избыточностью информации (эффект информационного шума).

Гипертекстуальная природа сети позволяет говорить о ней как о знаке, симптоме отмирания «гутенберговой цивилизации» и смене ее «цивилизацией образа» (image-oriented). Ветвящаяся структура сети растворяет жесткую фиксированность текста, что, в свою очередь, делает невозможной какую-либо однозначную интерпретацию, прогнозирование возможных рецептивных версий текста. Множественность ходов, нелинейность и дисперсность структуры сети позволяют, как нам представляется, провести параллель с понятием ризомы, введенным в культурологический оборот Ж. Делезом и Ф. Гваттари (Ильин, 1996. С.99). Метафора ризомы – корневище с чрезвычайно запутанной корневой системой, «волоски которой, регулярно отмирая и заново отрастая, находятся в состоянии постоянного обмена с окружающей средой», что приводит к поглощению различий «недифференцированной целостностью», утрате ими «четкого маркированного характера и, как следствие, потере своего онтологического значения» (там же). Природа сети может быть обозначена как ризоматическая. В свою очередь, выделяемый Делезом-Гваттари особый тип ризоматического мышления свидетельствует о возможном наличии у его носителя «комплекса дисперсии».

Ризоматичность мышления поддерживается особой структурой/формой текстов, с которыми работает пользователь/субъект. Интернет, если трактовать его в терминах Р. Барта, наиболее продвинулся на пути «от произведения к тексту», поскольку не поддается включению в жанровую иерархию, ему присуща множественность восприятий, у него нет Автора, так как допуск к созданию новых текстов в Интернете не ограничен и не подвержен внешнему контролю. Он представляет собой структуру с отсутствующим центром, что делает предельно открытой эту структуру. По выражению того же Барта, «коль скоро Автор устранен, то совершенно напрасными становятся и всякие притязания на «расшифровку» текста» (Барт, 1989. С.389).

Как следствие подобной нестабильности – страх непредсказуемых и, возможно, негативных последствий влияния Интернета на массовое сознание, страх, рожденный неизвестностью. Реплики подобного рода подогревают мифогенный потенциал сети, порождающий о себе очередную серию мифов, связанных с негативной аттракцией Интернета. Не случайны столь бурные обсуждения вопросов Интернет-зависимости (хотя никому не приходит в голову говорить, к примеру, о зависимости от телевидения, книг или желтой прессы) и «информационной безопасности» (А. Е. Войскунский), защиты сознания пользователей, особенно детей и подростков, от информационной агрессии и инфляции морали посредством Интернета. «В наши дни виртуальное решительно берет верх над актуальным. <...> Мы пребываем уже не в логике перехода возможного в действительное, но в гиперреалистической логике запугивания себя самой возможностью реального» (Делез, 1998. С.98).

Объектом предлагаемой работы является взгляд на Интернет как на продукт современной культуры. В качестве предмета мы предлагаем рассмотрение присутствия субъекта/пользователя в коммуникативном пространстве Интернета как широком поле социо-культурного взаимодействия.

Возможность говорить об Интернет-пространстве как особом коммуникативном поле обусловлена некоторыми специфическими и недоступными в актуальной реальности условиями общения, как то:

1) *добровольность и желательность контактов*. Пользователь добровольно завязывает контакты или уходит от них, а также может прервать их в любой момент времени;

2) *неограниченное количество выборов* среди потенциальных коммуникантов, возможность одновременного общения с несколькими адресатами;

3) *взаимодействие различных культурных слоев*, приводящее к латентному снятию культурных границ;

4) *отсутствие паралингвистических компонентов речи*.

Очевидно, что в случае Интернет-общения объем невербальных компонентов речи практически равен нулю. Отсутствие жеста, мимики, проксемики, eye-контакта, интонирования и т.д., снимает фиксированные смысловые точки высказывания, расплывая смыслы и иницируя (нередко понуждая) адресата к варьированию интерпретаций. Можно, пожалуй, сказать, что невербальные/паралингвистические составляющие речи выступают в общении в качестве своеобразной пунктуации, отсутствие которой «является источником двусмысленности» (Лакан, 1995. С.83). По словам Е. П. Зарецкой, body-language есть «семиотика бессознательного, она реализует те мотивы, которые находятся в бессознательном. Зона бессознательного в известной мере противоречит зоне сознания», т.е. знаковой системе языка (Зарецкая, 1998. С. 437). При Интернет-общении коммуниканты остаются в зоне знаковой системы сознательного, конституируя себя в языке текста. Наличествующее в живой коммуникации противоречие между семиотикой осознанного и бессознательного – важнейший резерв воздействующего общения, соответственно в Интернете следует ожидать сокращения меры воздействия. Отмечаемые особенности приводят к закономерной затрудненности эмоционального контакта. В то же время обнаруживается стойкое стремление к эмоциональному наполнению текста, которое выражается в создании специальных знаков, симулирующих обозначение эмоций.

1) *Снятие жестких социальных конвенций*. Отсутствием непосредственного восприятия собеседника стирается влияние процессов стереотипизации, то есть «приписывание познаваемой личности целых «наборов» определенных качеств на основе отнесения ее по отдельным качествам к какому-то «классу» лиц» (Бодалев, 1982. С.129). По словам А. А. Бодалева, «явление стереотипизации развертывается после того, как познающий другого человека субъект установит его принадлежность к какой-то социальной общности, определит его социальную роль, статус и т.д.» (Там же. С.132). С этой точки зрения общение в Интернете гарантирует свободу от строго конвенциональных стереотипов, поскольку специфика анализируемой коммуникации сопротивляется, препятствует образованию и, тем более, фиксации, более или менее жесткому очерчиванию стереотипных представлений. Условия нестрогой соотнесенности коммуникантов с той или иной возрастной, половой, социальной и т.д. группой способствует расшатыванию самой основы для кристаллизации тех или иных стереотипных представлений. В не меньшей степени этому способствует, быть может, самое важное условие Интернет-общения, а именно:

2) *Анонимность*. Несмотря на то, что иногда пользователь имеет возможность получить некоторую информацию анкетного характера и даже фо-

тографию собеседника, эти данные, тем не менее, не только недостаточны для более или менее адекватного восприятия адресата, но, более того, вообще не могут быть восприняты как обладающие той или иной мерой истинности, т.к. зачастую наблюдается сокрытие или презентация ложных сведений. В качестве фильтра выступает категория маски, активно используемая участниками коммуникации. «Маска – это не я, – пишет И.С. Кон, – а нечто, не имеющее ко мне отношения. Маску надевают, чтобы скрыться, обрести анонимность, присвоить себе чужое, не свое обличье. Маска освобождает от соображений престижа, социальных условностей и обязанностей соответствовать ожиданиям окружающих» (Кон, 1986. С.138). Субъект автокарнавализации получает широкие возможности к осуществлению социально легитимированного антиповедения в пространстве Интернета. Понижение психологического и социального риска в связи с отсутствием внешних оценок приводит субъекта к аффективной раскрепощенности, ненормативности (вплоть до безответственности) в общении.

Отдельную тему для исследования представляют языковые реверсии в Интернете, также способные быть рассмотренными в рамках уже языкового антиповедения. Дело в том, что направление дискурса в сети нередко выходит на рубежи, за которыми осуществляется (более или менее отрефлексированно) покушение на нормативность языка. Можно сказать, что деструктивные по отношению к языку акции пользователей содержат латентные выпады против онтологического статуса слова. Мы хотим сказать, что, с определенной точки зрения, целостность слова обладает качествами телесности, о чем недвусмысленно сообщает наличие в языке словообразовательных моделей, позволяющих осуществлять трансплантацию членов от одного слова-донора к другому слову-пациенту. Этим объясняется наличие и регулярное обновление банка неологизмов. Фигурально выражаясь, всякий языковой неологизм есть такое же проявление в языке синдрома Франкенштейна, каким в культуре вообще выступает понятие цитатного (читай: лоскутного) сознания. Неоднократно обсуждавшаяся проблема дробности (ср.: ФРАнКенштейн – ФРАГмент) современного сознания удачно иллюстрируется фигурой данного литературного персонажа. Деструкция языка в Интернете охватывает орфографию, производит редукцию лексем, синтаксических конструкций и т.д. Впечатлению «гула языка» способствует смешение естественных (русский, английский и т.п.), научных, профессиональных и т.д. языков. Как известно, в некоторых случаях уже визуальное восприятие текста суггестирует идею дисперсии текстового тела за счет наращивания прерванных, испещренных многоточиями конструкций.

Пожалуй, наиболее интересные языковые события совершаются в момент обращения от корпоральности языка вообще к корпоральности имени. Анонимность субъектов высказывания в Интернете во многом конституируется за счет активного использования псевдонимов, криптонимов и т.д. Наблюдения за словообразовательными моделями фиктивных/виртуальных имен могут выступить предметом отдельного междисциплинарного исследования. Здесь же, пользуясь случаем и ограничиваясь объемом работы, приведем один пример – «Screagle». Слово образовано путем контаминации двух слов:

screw + eagle = screagle
винт + орел = винторел

Модель подобного рода, стоит заметить, является одной из самых распространенных в «шизофатическом стиле» (Я. Мытарский) клинического шизофреника. Расщепление нормативного языка психически неадекватным субъектом на выходе дает огромное многообразие образцов. Э. Блейлер в «Руководстве по психиатрии» приводит следующий пример:

traurig + grausam = trauram
 грустный + жестокий = грустокий

Конечно, не место сейчас погружаться в сугубо психиатрические аспекты подобных языковых обращений. Заметим только, что культуре двадцатого века свойственно пристальное внимание к категории *shizis'a*. Вышеизложенные рассуждения по поводу ризоматической природы мышления современного человека, как мы видим, находят свой материал в непосредственной языковой практике. В случае переименования происходят некие сдвиги в структуре образа «Я». Добавляя к этому склонность Интернет-коммуникантов выстраивать целую серию псевдонимов, мы можем вслед за М. Фуко сказать, что «наше Я – различие масок» (Фуко, 1996. С.132), различие сюжетов, использующих фиктивные имена в качестве архива кодов. В свое время П. Флоренский произнес мысль, что имя является «нежнейшей плотью нашей личности» (Флоренский, 1994. С.32). При таком допущении манипуляции с именами, псевдонимами и т.д. способствуют расщеплению личности, т.е. тому, что мы склонны называть дисперсией субъекта или, что в контексте данной работы то же самое, виртуализацией «Я». Отметим так же и то, что в некоторых случаях субъектам Интернет-коммуникации оказывается доступной некая доля авторефлексии по поводу психических процессов, совершающихся с ними в пространстве сети.

Итак, с одной стороны, мы имеем склонность Интернет-коммуниканта к реализации (часто одновременной) нескольких дискурсов/сюжетов, а с другой – обнаруживаем, что едва ли не единственным средством автоманифестации в сети для него выступает язык, лишенный коннотативной сферы, при других условиях проявляющейся в паралингвистических слоях речи. В множественности дискурсов субъект оказывается отчужден от самого себя, расщеплен на «Я» субъекта (I) и «Я» его дискурса (Me). Говоря словами Ж. Лакана, «чтобы преодолеть отчуждение субъекта, смысл его дискурса следует искать во взаимоотношениях «собственного я» субъекта и «я» его дискурса» (Лакан, 1995. С.73), то есть постараться подвергнуть анализу интенциональное наполнение речи субъекта.

В нашей работе рассматриваются две основные автокоммуникативные интенции:

- 1) выстраивание парадигмы нереализованных сценариев,
- 2) автопсихоанализ с психотерапевтическим эффектом.

Широкие возможности Интернет-пространства предоставляют субъекту право на реализацию ролей, переживание эмоций, по тем или иным причинам фрустрированных в реальной жизни. В известном смысле субъект конституирует себя через продукцию рассказов о самом себе и, как ни парадоксально, направляет их себе же. С этой позиции природа Интернет-коммуникации открывается своей перформансной гранью. Субъект дискурса оказывается способным отчуждаться от себя через автообъективацию в рассказе, изменении

имени и т. д., а в итоге – утверждать себя в зоне адресата. Мы хотим сказать, что в процессе потребления собственной дискурсивной продукции субъект виртуальной дискурсии попадает в поле ролевой конъюнкции, обеспечивая и утверждая автокоммуникативное пространство. С точки зрения языковой корпоральности выстраивание серийно воспроизводимых дискурсов в поле неограниченных коммуникативных валентностей выводит субъекта в ситуацию, при которой он всякий раз протестически перестраивает, деконструирует свое речевое тело, обретая себя в цепи метаморфоз. Семиотически подобная ситуация может быть описана как запуск серии означающих при сомнительности означаемого, растворяющегося в этой свободной игре означающих. Речь субъекта становится опустошенной, то есть «он производит впечатление говорящего о ком-то другом, кто похож на него до неузнаваемости, но решительно не способен усвоить себе его желание» (Там же. С.41).

Автокоммуникация в пространстве пустой эгоцентрической речи усиливает «кризис идентичности» и, тем не менее, обладает высокой степенью аттракции. Виртуальный коммуникант, созерцая себя в сети зеркал (в качестве которых он выстраивает своих адресатов), оказывается похищенным своим собственным Другим, потому что «виртуальный образ, - как пишет Ж. Делез, - не перестает становиться актуальным, как в зеркале, которое завладевает личностью, поглощает ее и в свою очередь не оставляет ей ничего, кроме виртуальности (...) Виртуальный образ поглощает всякую актуальность личности» (Делез, 1998. С.93).

Отражаясь от актуальных в сети адресатов, субъект переводит первичный инфантильный нарциссизм в нарциссизм вторичный, по определению З. Фрейда, «извлеченный из отношения к объектам» (Лапланш, Понталис, 1996. С.245). «После нарциссических объятий, тщаясь вдохнуть в него жизнь», субъект способен признать, «что «существо» всегда было всего-навсего его собственным созданием в сфере воображения» (Лакан, 1995. С.20) и тогда «объектом эротизации может стать и весь дискурс в целом» (Там же. С.71).

Метод, носящий имя психоанализа, представляет собой операцию, при которой имеет место «усвоение субъектом своей истории в том виде, в котором она воссоздана адресованной к другому речью» (Там же. С.27). При допущении, что не всегда пользователи сети повествуют квазиистории о самих себе, можно, по-видимому, высказать следующее предположение: в условиях анонимности субъект высказывания манифестирует себя пациентом и конституирует собеседника в качестве некоего свидетеля/аналитика, который при этом может и не подозревать о навязанной ему роли. Иными словами, процесс общения со стороны субъекта трансформируется в некий автопсихоаналитический сеанс, призванный снять фрустрирующее напряжение, спровоцированное переживанием своей эксцентричности. (Психотерапевтический эффект в немалой степени обусловлен атмосферой сетевого общения (принципиальная доброжелательность, анонимность и т.д.), напоминающего по ряду параметров атмосферу психотерапевтических сеансов.)

С другой стороны, наращивание, серийная рекреация своих виртуальных квази «Я», симулякризация субъектности может быть рассмотрена именно как попытка снятия эксцентрического/дисперсного состояния.

Таким образом, Интернет в современной ситуации представляется весьма комфортным, безопасным, более или менее свободным пространством для апробации разнообразных стратегий межличностного или автокоммуникативного поведения. Это создает возможность реструктурирования более гиб-

кой концепции «Я» как набора ситуативно актуализируемых дискурсов, модусов «Я», ни один из которых не стремится к узурпации привилегированного положения. Так как в нашем актуальном социо-культурном пространстве наблюдается размывание границ жестко очерченных институтов (семьи и т.д.), стереотипов и конвенций, то при удачном - для субъекта - стечении обстоятельств возможно предположить, что подобные способы ориентации найдут адекватное применение в актуальном жизненном пространстве.

Литература

- Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1989.
Бодалев А. А. Восприятие и понимание человека человеком. М., 1982.
Делез Ж. Актуальное и виртуальное // Цифровой жук. № 2. 1998.
Зарецкая Е. Н. Риторика: теория и практика речевой коммуникации. М., 1998.
Ильин И. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М., 1996.
Кон И. С. В поисках себя. М., 1986.
Лакан Ж. Функция и поле речи и языка в психоанализе. М., 1995.
Лапланш Ж., Понталис Ж.-Б. Словарь по психоанализу. М., 1996.
Флоренский П. Имена. Кострома, 1994.
Фуко М. Археология знания. Киев, 1996.